

Инф.: Белогуров Александр Иванович, 1928 г.р.,

АР Крым, ПГТ Раздольное, 9.08.2006

Соб.: А.Страхова, Т.Величко

Расш.: А.Страхова

(В скобках – вопросы и реплики интервьюера).

(Вы сами какого года?) 1928го. (28го? А фамилия Ваша?) Белогуров. (Белогуров, да? Александр Иванович, Вы родились здесь? Или как это место называлось?) Это? (Да). Ак-Шеих. (Ак-Шеих. А помните... Расскажите о своих родителях). Своих родителей... (Откуда они были, что за люди?) То как раз мой двоюродный брат, он живет в Белгороде, а раньше Курская и Белгородская область это была Курская все, Курская губерния. И вот сейчас я думаю, дедушки-то нету, в 76м году умер. Он прожил 103 года, вот. Отец меньше. То он приехал оттуда, с Курска. Он мне сказал губернию, уезд, но я не записал, забыл.

1:00

Щас вот с братом поговорили, паспорт, он, когда умер, то сдали. И вот он хочет сейчас пойти в архив, у паспорте записано, какая губерния, какой уезд там, значит, и тогда легче найти. (Ну, да, да). И потому, что там много Белогуровых. Они нам родственники, но мы не знаем друг друга, понимаете? Вот, а нам, мой дедушка его, мой привез, их прадед, прадед. Это еще 800... Ну, до 900го года. Это отец мой, уже он старший, значит, был. И, в общем, прадед привез три сына и дочь. (Сюда?) Да, в Крым оттудова, а потом уже пошли рождаться, и стало много, значит, Белогуровых.

2:00

И я уже смеялся с них. Я говорю, у отца моего, во всех у них нет троюродных братьей, только двоюродные. Ну, вот по братьям деда, сыновья уже двоюродные. А троюродных у них нету, потому что они уехали оттудова, там же остались двоюродные братья, это были уже им троюродные. А так у них не было. У нас одна живая тетка осталась моя. (Там?) Нет, здесь. (Здесь, да?) Здесь-здесь. (Ваша тетка, а сколько ей лет?) Да уже ей 84. (А, так

она тоже может рассказать?) Может, да. (Вот ее тоже потом в конце запишем).

3:00

А она... Память у нее хорошая. Вот я с ней разговариваю, все она помнит, все она знает, все. (Она же здесь в Раздольном живет?) В Раздольном. (Вот тоже будет интересно. А чем Ваш дедушка здесь занимался, не знаете? Или Ваши родители?) Прадед? (Да). Прадед он... Ну, раньше кустарщина была, сапожник. И так же пошло по наследству, и дед сапожник мой. То прадед, потом дед, и дед сапожник. И отец стал сапожник, значит, в время старое, значит, Ну, тогда обувь шили не такую как сейчас, все кожаное, все как надо. Ну, а потом, потом... (А дом вы свой помните, где Вы детство провели?) Да. (А какой это был дом?) Ну, эта землянка. (Землянка? Как он выглядел? Сколько в нем комнат было?)

4:00

Три, три. Раньше так, вот то коридор, и сенце называли как-то. (Сенце?) Да. Потом, значит, прихожая, такая прихожая, и на три, на три этих. Ну, они сразу, когда приехали с Курска, губернии, то под Джанкоем жили, в Павловке, там отец родился. Потом переехали в Прикоморье. Уже тогда в Портовом жили. У деда, значит, тоже где-то также было три сына и дочь, как и в того тоже было три сына и дочь, и в того также три сына и дочь. Вот они уже в Портовом родились.

5:00

Ну, а я вже... уже здесь. Ну, так мы жили все время в сельском хозяйстве. (А до войны люди каких национальностей здесь жили?) Ой, много. (До войны кто жил? Русские только или еще кто-то?) Нет, да нет! (А кто?) Щас вспомню. Евреи, армяне, греки, татары, немцы, русские. (И все здесь, в Ак-Шеихе?) Ак-Шеих это была немецкая деревня. (Немецкая?) Угу. Вот сколько Ак-Шеиху лет, вот уже 140, вот столько и бы... вот столько и деду моему было. (Как Ак-Шеиху?) Как Ак-Шеиху. (То есть, он был в начале этой деревни, да?) Ровно сколько лет этому, и сколько лет, значит, деду.

6:00

(А помните, Вы в детстве в какие игры на улице играли с друзьями?) Ой, разные – в угрилки, в цурки, ашеки. (Что это такое? Расскажите. Я таких названий не слышала). Вот, значит, это подобно вот как мы вот лапта называем. (Лапта, слышали, да). Вот это. (А как она здесь называлась?) Просто угрилки. (Грилки?) Угрилки. Палка, один бросает мяч, а ты его этот, и вот должен ты сбегать где-то метров, наверное, за 40 - за 50, покамест те мяч поймают, а ты должен вернуться. То опять, он их как бек... бекалы там, все. Вот, если он мяч словили и тебя мячом ударили, все меняется.

7:00

Эти идут сюда, эти идут туда. Интересно было. Щас не... щас какая-то молодежь, она никакой интерес. Это как вечер, все, и взрослые, молодые, все, значит, этот, играют. И это... Ну, а девочки играли в крёбушки, квеберу. Сколько-то в руку набирают, как-то так бросают, то так бросают. (А что набирают в руки?) А это такие, ну как шарики. (Шарики, да?) Угу. (А кто у Вас были друзья? Помните друзей детства, с кем Вы играли в эти игры? Как их звали, что за люди были?) Да, друзей у нас много, друзей много. Раньше друзья все были, все друзья были. Раньше мирно жили, бедно, но зато мирно и весело.

8:00

Щас вообще все, понимаешь, небо и земля. Щас шо? Пьют, курят, не работают они. Раньше это все, ты работаешь, ты занят, то пасешь, то скот, еще что-то. Ну, в общем, или мамаше помогаешь там, в колхозе, шо полоть, там, подсолнух, кукуруза, хлопок був раньше. (Это помните, сколько Вам лет было, когда Вы начали работать, помогать вот так?) О, это щас скажу, где-то матери помогать это лет с восьми – с девяти. Вот, это ж дают лямки, и просапуешь, или прорывать. (Делянки просапывали, да, Вы имеете ввиду?) Да. Ну, а вечером тогда уже бегали, играли.

9:00

(А были у Вас друзья только русские или Вы дружили с татарскими, еврейскими, немецкими ребятами?) У нас школа одна была, у этой школе учились татары, немцы и русские. Немцы на русском языке, татары - на татарском. (В одной школе?) В одной школе. (Что, разные классы были для татар и остальных или как?) Да, разные... Школа одна, разные классы. (А русские и немцы вместе учились?) Да. (А еврейские дети?) А еврейские дети учились тоже, они, ну как, изучали еврейский язык, но в большинстве по-русски мы писали. (А помните каких-то ребят-евреев? С кем Вы дружили?) Ой, вот фамилии даже не вспомню. (Может, имя).

10:00

Был, гы-гы. Та жили ж по соседству, и надо ж! Вот же башка! (Он в Вашем классе учился, этот парень?) Да. (А как он, хорошо учился или плохо?) Не, нормально. (Нормально? Он один был или много было этих ребят-евреев в классе?) Нет, он... Ну, то еврейские были, дом, вот это там участок назывался – 75й, 45й, 12й, все. Раньше не было имен на это село, а участок. Как им, им же ж строил, ой, Германия ж им строила. (Германия?) Да, эти участки. А потом уже сами по себе так они называли, значит, а так участками они были в поселке, в поселении.

11:00

(А Вы в тех участках бывали, ходили там, в те деревни?) Да. (А помните, как это было?) Ну, как? (Не, ну, просто. Просто ходили гулять или зачем-то Вас посылали в те села?) Ну, було, було шось. Там те ходят, посылают там. Ну, лошадей, там, коня шо-то привести, отвезти шо-то. Это було. А потом, когда уже немец все, Крым захватил, то тогда евреев всех повыстреляли. (Что сделали?) Расстреляли. (Расстреляли, да?) Да, страшно, ужас. То, когда оцепили... Оцепляют деревню, и гонят к колодцу. (К колодцу?) Да. И то, кто сам прыгают, кого толкають.

12:00

Да, страшные эти воспоминания. (А Вы видели это сами или слышали?) Нет-нет, я не видел. Ну, увидели, а потом ловили. Кто убежал, они его

ловили, или там, семья где-то жила в русском, в русской, значит, деревне. Эту семью забирали и вывозили, привозили. Вот здесь, в Раздольном, колодец тут был. (В Раздольном самом?) Да. (А где этот колодец?) Шас, шас никого не стоит, там шахта, воду качали, а шас не. Там, видать, башня. (Так это на том месте стоит башня или где-то рядом?) Ну, прямо на том месте стоит. (Прямо на том месте стоит башня, да?) Да. (И много там людей погибло, не слышали?)

13:00

Да, так... Да там, наверное, человек... человек тридцать, наверно. (Тридцать, да?) Да. (Из Раздольного? Откуда? Евреи из Раздольного?) Как-как? (Ну, евреи вот эти, которых там убили, они были из Раздольного?) Это, кто с Раздольного, кого-то где-то... Они как, когда, ну, вижут, шо расстреливают, то они с деревни ушли, и ходили по селам: «Вот, спасите нас, спрячьте нас!» А где тут спрятать? Тут же ни лесов, ничего тут нету, а в доме – придуть, и тебя загребут вместе с ними. Ну, то их вылавливали и привозили, стреляли. (А Вы это видели или слышали? Про этот колодец, про эту шахту?) Ну, как?

14:00

Говорять, привезли, расстреляли, туда побросали. Вот. (То был колодец, которым до этого случая пользовались люди?) Да. (Воду пили?) Да. (А потом что с этим местом стало?) И так же и осталось. Тут пробили скважину, на этом месте, и стали качать. (Это телефон тут шумит, я испугалась, жужжит. А Вы не знаете, ничего не говорили старые люди, почему так евреев убивали?) А кто его знает? (Других трогали или нет? Только евреев так убивали?) Ну, и так... И если кто-то с родственников узнают, что партизан там, вот, то тоже, значит, пощады не было. (Шас я выключу, он мне мешает... Это телефон у меня жужжит.

15:00

Где он тут? Да-да, тут. Нам просто особенно эти подробности тоже интересны. Вы не помните, каких-то людей, которые там из Ваших

знакомых, погибших в этом колодце?) Нет, со знакомых не было, не было. Они эвакуировались. (Эвакуировались? А как, помните, они эвакуировались?) Ну, война началась, и им была дана команда эвакуироваться. (Команда?) Да. Ну, как сказать, приказ такой. (Именно евреям или всем людям предлагали?) Не, евреям. (Евреям? А почему именно евреям?) А потому, шо немец уничтожал их, у Польше–то уничтожал, уже знали.

16:00

(Знали?) Да. И в армию не брали евреев. Вот в тылу работали, на заводах, все, а в армию не брали. Редко, значить, что было, шоб у плен не попал. Если у плен попал, узнают, шо еврей, сразу же расстреливают. Так-то таких брали у плен, ехали, концлагеря были, кто выжил, кто не выжил. Вот. А их стреляли сразу же. Значит, уже... (А вот они эвакуировались, Вы не помните, как им сообщали о том, что можно уехать? Кто-то ходил по домам, или в газетах писали, или еще как-то?) Нет, я не могу этого сказать. Ну, но они уезжали, эвакуировались. (Из Раздольного много уехало?)

17:00

Ну, так, может, семей десять. (То есть, не так уж много евреев было в Раздольном, да?) Нет. (До войны их сколько было примерно? Ну, помните кого?) Ну, мало, мало - много, не могу сказать. Я ж пацан был. (А когда война началась, сколько Вам лет было?) Ну, я 28го, в 41м году 12 лет. (12, да? А помните начало войны, как это было? Этот день, когда Вы узнали, что война? Можете рассказать нам, вспомнить?) Ну, как? По радио объявили, что вероломно напал на Россию без всякого объявления войны Германия. То нам как будто бы и не верилось сразу.

18:00

22го июня, значит, бомбили Севастополь, как раз пролетали через... (Вы видели самолеты, да?) Да, по Раздольному по всему штук восемь бомб. (Штук восемь бомб?) Да. Ну, мелкие были. Ну, а потом, как сказать, захватили, два года было, наверное, оккупации, потом наши пришли. (А из

Ваших кто-то уходил на фронт из родных?) Да. (А как, помните, это было?) Ну, как? В военкомат пошел, все. (А когда первое появление немцев здесь, оккупантов? Как они здесь появились впервые?) Впервые... Собственно говоря, здесь и не было фронта.

19:00

Вот, раздольненский, черноморский регионы, не было фронта. Вот, ну вот как, от Перекопа, Ишунь и туда, на Симферополь, на Севастополь. А здесь не было. Даже, даже в Евпатории не было фронта. По лесам, потому что сюда тупик, и немец сюда не сх... Прятался туда, его наши прижимали, все туда, до Севастополя. И наши, потому что деваться надо было, все ж курорт, так Евпатория, Черноморск, Севастополь... И тут получается, не проходят. Ну, приехали, это, приехали, сразу разведка ихняя, а как раз нам интересно, какие ж немцы-то.

20:00

Там нарисованы, нарисованы были с рогами, с этим. А они: «Киндер, киндер». Значит киндер по-ихнему дитё или мальчик. «А вы с партизанами», - спрашивали, все. Говорил: «Нету». Ну и все, они дальше поехали. Ну, а потом уже стала комендатура тут, все, немцы, жандармерия. (Здесь?) Да. (Комендатура?) Жандармерия, вот. Потом еще у них какие-то подразделения. Мы боялись. (Боялись?) Конечно. Они вот партизан порасстреливали. Потом партийных обещались. (У вас здесь были партизаны?) Были. А через море переправляли, море, а этот там под парусом, на лодке.

21:00

(Да что такое! Извините, сейчас я все-таки спрошу. Алло... да... щас. А вот Вы помните, как эти немцы были одеты? Жандармы, в комендатуре они одинаково все были одеты или форма одежды была разной?) Так форма одинаковая, а цвет формы разный. У тех светлозеленая была, у тех была темнозеленая. И потом вот это у них на шее ихней вот тут висело. Вот полосы разлапистые, а еще были эти, тут цепок.

22:00

(На цепях?) Орел у них. (Орел?) Да. (Орел из чего был? Из ткани?) Нет, металлический, металлическое. Такая вот бляха, на цепок, вот так прицепляли и забирали нас туда, на передовую, чтоб окопы копали. (И Вас забирали, да?) А я сбегал. (Сбегали? Боялись?) Конечно. Вот такая была у меня... Вони приезжают в село, сразу тут машина идет дальше, а и все село, и кто есть, давай – давай – давай. И куда деваться? А я давай – давай, щас – щас. А у нас была такая бочка железная, и дна не было.

23:00

И я туда спрятался, раз – раз в бочку. И вот в бочку, раз. Сижу, значит, а всё, они поуждали. Бабушка там, тетя, но они считают, что они уже меня повезли, а я у бочке сижу во дворе. Она: «Опа! – ну, говорит. – Во, все, увезли наших, уехали». Я в эту бочку, переворачиваюсь, глядь, передо мной два румына стоят с автоматами. А, ну а что? О, меня, он мне глазом, похлопали меня: «Киндер, киндер!» Они тоже называли киндер по... Ну, все, прошло, повезло мне. Румыны они так, и вашим, и нашим, а вот чехословаки, те немцев не любили.

24:00

За... за красных, так сказать. (Они тут тоже были, чехословаки?) Да, в Портовом. (В Портовом, да?) Угу. Чехословаки те хорошие, хорошие, не обижали никого. Румыны те воры, от такой вот, шо увидит, то берет. Оно ему надо – не надо, он выпросит, но все равно должен взять. Как цыганва. Что увидит, все берут. Это было у меня такое, говорит: «Вже въехали, въехали». А они румыны тоже без устава были. Да. Это ходють, в кого самогон, где яиц, там, хто даст. То вот такое оно, вони ни с чем ни это, не расставались. И то я уже тут, раз... О! Стоять два.

25:00

(Румыны?) Ага, румыны. Ну, они похлопали мне: «Молодец, что спрятался». (А, похвалили? А чехословаки что здесь делали?) А как... как погранзастава, берег охраняли. Они не охраняли ничего. Партизаны как переправлялись, так и этот. (А были у вас люди из местных, которые

сотрудничали с оккупантами?) Нет, таких у нас не было. У нас даже наши, когда передовая шла, то повесили одного в Армянском и у нас, в Раздольном. Ну, то по горячке, того нет, не надо было. А, и знаете кого?

26:00

Вот, если вы знаете, писатель Домбровский? (Да). Анатолий Иванович. (Да, есть такой писатель). Так вот это его дядю повесили. (Дядю? А за что?) Он был переводчиком у немцев. И он никого не выдавал. Ничего, даже если переводит, переводил там так, в хорошую сторону. Если там, значит, шо... ну, покрывал, покрывал. Ну, а по горячке надо ж было...

Нет, их заставляли, их заставляли. Были хорошие, хорошие, все, он партизан, прятали их, все, а были тоже сволочи. Люди просто, ну как... Хорошие просто, мерзавцы.

27:00

Они ж думали, что немец навсегда, выслужиться. Вот только наши зашли. (Все? – Угу). Кто как, кто хороший-то был, десять лет, кто похуже, то совсем не вернулся, не вернулся, да, не вернулся. (А можно, вот я отходила, можете еще, пожалуйста, сказать, вот почему Домбровского этого повесили, за что русские повесили?) Видите, я ж не могу все знать, я только знаю хорошую сторону. Понимаете? Я знаю, что он был хороший человек. Это так, ну, говорили люди, что он тех там выручил, там спас, там не выдал.

28:00

(То есть, очевидно, просто никто не сказал в то время армии, которая вошла, что он на самом деле...) Да, по горячке, по горячке. (И, в общем-то, не было таких, которые шли по своей воле на сотрудничество, да? Заставляли немцы?) Нет... да, назначали. Добровольцев не было. Были там вот татары. Молодые добровольцы. А они все погибли под Севастополем. А то так не было. А старосту, вот назначили тебя, и все. Хочешь – не хочешь, будешь старостой. (А какие были вообще обязательства у старост, у полицейских? Что они должны были делать?)

29:00

Ну, староста это как председатель колхоза просто, а полицейский – это как участковый, шоб, значит, за порядком следил, никаких нарушений. В случае, там, выявления партизан если, шоб он говорил, долаживал, вот такое вот. (А партизаны здесь были?) Были. Их через море переправляли. Когда уже наши подошли, ну, как подходили к Перекопу, то через море, и они в Крыму. Их сопровождали. (Куда шли?) В горы, в горы туда. Здесь прятаться-то негде. (Ну да). А была связь, была у партизан. Один доводит до одного села, потом тот берет, дальше проводит.

30:00

(А как вот с едой, с питанием было во время войны?) Ну, как? Плохо, плохо. Это там давали немножко, то в кого свои запасы были. Ну, никто не умирал, конечно, не было. Давали там по сколько килограмм зерна, значит, на человека, на семью. (А не отбирали немцы хозяйство? Вот, кур там, может быть?) Нет, почему не было? Коров забирали. В нас в основном коров, на мясо. (А где вот немцы, чехословаки, румыны, где они жили?)

31:00

(Где они были расквартированы?) Они не по квартирам были, они вот, допустим, чехословаки в Портовом, вот там застава была, погранзастава. Вот они там. Румыны дальше, в Добринке, там, значит, была ихняя погранзастава. А по квартирам, это, ну вот когда вот переходили они, там переночевали, ну, переспать там, день там, два, потом дальше. То по квартирам их уже растолкают там. А какие там квартиры раньше были? По хатам, все вместе. (А вот в те дома то, что люди эвакуировались, в те дома заселялся кто-то?)

32:00

Ну, отсюда мало уезжали. Вот были вот здесь вот семьи еврейские, а так куда? Куда там эвакуироваться? Там в Керчи так вообще, весь скот согнали туда, техника, все это было, все пооставалось, не унесли, вот. (А что с этими еврейскими домами стало, не помните? Вот евреи уехали, а что с домами?) Пустые. (Пустые стояли? Никто не заселялся?) А кому заселяться? Кому заселяться? (А потом возвращались те люди, которые эвакуировались?)

Возвращались в Раздольное снова? Вернулись евреи после войны?) Да. (А рассказывали, где они были в эвакуации?) Где-то, где-то там, на этом... Поволжье где-то.

33:00

(Ну, а что они рассказывали, вернувшиеся?) Ну что? Плохо им было. Их же-то на фронт не брали, вот. При заводах работали. Вот по 20 часов они. 17 людей померло, а вооружение ж надо было. Рассказывали. Тоже тяжело им было. У станков все, ну. (А вот эти полицаи и старосты, вот, Вы сказали, одного повесили, а с другими что сделали, красная армия, вот вошли солдаты?) Ну, которые были такие преданные немцам, то их забрали, и с концами.

34:00

А которые работали, а вреда никакого не сделали людям, тем по 10 лет. Отсидели и пришли домой. (И сюда вернулись?) Угу. (А как к ним люди относились?) Нормально. (Нормально?) Они ж ничего плохого не сделали людям. (Не называли предателями?) Нет. То тех, которые да, то предатели были, а такие... Молодежь такая. Ему сказали, они ж, ну и хорошо. Он там и был всего, может быть, какой-то месяц, неважно. Факт то, что служил. (Одевал форму, да? А у них была форма какая-то?) Да. (У старост? И полицейских? А какая?) Нет, у них, у них форма была своя.

35:00

Ну, как? Ну, в чем? В чем? А это уже добровольцы, которые в армию соглашались. (А, в армию. А что, и такие были?) Было и не было. У нас только два, два молодых татарина, а то с Кубани, и тоже ж, вот я слышал недавно по радиову, они, у них как не шли как добровольцы в немецкую армию, а они... У них по природе это казачество. Вот. Им пообещали, что будете казаками, вот. Одели им форму, и все. А оно получилось, что они немецкими солдатами стали, это уже. (А вот, если вернемся к еврейским семьям, Вы видели, как здесь ловили еврейские семьи?)

36:00

Нет, здесь я не видел. Я только видел, шо, как вот там, особенно девушки ходили, и к нам заходили: «Спасите!» Ну, как тебя, дитя, спасти? Ну, мать даст там им хлеба, все, покормит, и пошли дальше. Ну, а прятаться-то негде. Все равно их вылавливали, уничтожали. (И много таких людей ходили?) Ну, как не очень-то много, а больше всего, это человек их, девушек шесть, наверное. Ну, как сгруппировались. (А, с группой, шесть девушек? И заходили, да, к вам?)

37:00

Да, мамаша их покормила, все, они пошли дальше. (Это были все еврейки?) Да. (А у Вас еще есть родные братья, сестры, вот которые тоже были в это время здесь?) Я один. Брат был, в армии погиб, я один. (А вот румыны, немцы, они одинаково относились к русским и татарам или по-разному?) Нет. Как сказать? Немцы, ну нельзя сказать, шоб они татар сильно уважали, они ж татары, вот, ледачие, то они не любили. А русские, они народ такой, работают.

38:00

Но все равно, все равно хорошего ничего нет. (А помните конец войны, как она закончилась?) Конец войны... Ну, я на тракторе работал, да, по радио объявили, шо Германия ликвидировалась, шо праздник радости. (А помните, как отсюда уходили немцы, когда в Крым пришла красная армия?) Да. Ну, как уходили? Удирали, убегали. (Удирали?)

39:00

Да, они через, как? Перекоп чувствовали, шо Перекоп уже пройдут, они поудирали все, никто не остался. (А Вы помните, как после... как выселяли татар?) Да. Татар как выселяли, у каждого татарского в семье поселили, ну, какое-то отделение военное. Ну, татары уже знали, шо их будут выселять, они все равно уже. Кто тут пошел через поле, а потом в одну прекрасную ночь село оцепили. Но никто не убегал, никто ничего. Сказали, вот, собраться на площади всем, взять с собой там, что, значит...

40:00

Ну, все, зашли машины. В машины, в путь! И все. (А много здесь татар было вывезено?) Ну, конечно, много. Татарские ж села были, татары все были. Ну, вот Чернышевка татарское село, вот. Рисовой, Ботаническое татарское село. Потом туда-туда, в общем, много сел, много сел. Раньше много сел был. Там, может, десять хат или, там, двадцать, уже село, уже село. Потом уже это дело прекратилось, потому что развалилось. Ну, все снесли. (А что стало с татарскими домами, имуществом?)

41:00

А дома какие там? Завалюхи были. Если хороший, каменный был там, ну, это на село один, может, ну, это когда-то богатый там жил. А то все такие. Ну, а с имуществом... Какое там имущество? Что раньше было имущество? Скот согнали в колхоз. (А после выселения татар сюда прибыли новые переселенцы?) А это уже ж когда... Татар в 44м году выслали, а переселенцы уже... да где-то в 50е годы они начали.

42:00

(Откуда люди сюда приезжали?) Переселенцы? (Да). А с Западной Украины. (С Западной Украины?) Да. Ну, с Украины. (А за что татар выслали?) Ну, кто его знает? Это был приказ. Откуда я могу знать? Меня б выслали, был бы приказ, тоже поехал бы. Значит, только татар. (Ну, а что-то люди старые говорили? Почему так и что так?) Ну, я могу сказать, но если я скажу, вот вы скажите, а где ты вычитал? А где ты слышал? А где ты такое взял? Откуда-то придумал. (Нет, мы так не спросим, говорите, как Вы думаете, да.

43:00

Что-то ж люди говорили, как-то ж не молчали, когда видели, что вывозят, о чем-то ж... как-то об этом говорили). Кто его знает? Говорят по-разному. Ну, я-то, как сказать, что я? Я пацан был. Мне что скажи, то я и поверю. (Ну, а что вот говорили? То, что помните). Ну, как за измену, потому и, как сказать... Ну, как сказать? Немцы им нравились только.

44:00

(А, вот так вот). Ну, много были в полиции. Ну, что? Были и с русских хриstopродавцы, и с них же ж тоже. Нас... В ту школу ходили вместе, тоже приехали, мать была член партии, работала в районо здесь. И вот так же, так, как сказать, ну что-то там не помирились в па... между собой. А когда немцы вошли, она подалась в шпионы немецкие.

45:00

(Да). Вот. И что? Приехали, забрали ее. (Мать?) Да. А дочку нет. Дочка говорит: «Нет, берите и меня». Люба Камышанова, Камышанова. Вот. «Мать куда, туда и я». И тоже, и дочку забрали. И все, по сей день нету слухов, ни духу, никто не знает, где они. (Кто забрал?) Немцы, гестапо. (Женщина, которая была в райкоме партии?) Она член партии. (А, член партии была!) А та выдала. Она, оказывается, была в немецкой, в немецкой разведке этой, шпионка. (Эта женщина была?) Да. (И она кто была? Местная?) Она здесь, ну, до войны работала, жила, значит, все.

46:00

Ну, откуда она приехала, она ж не скажет. Ну, она была завербована. У немцев разведка она так, значит: е завербованный, вербуют вас. Вы не знаете того, вы знаете меня, вы вербуете меня, вы вербуете его. Вот я уже его не знаю. У них вот так цепочка, цепочка. Ну, вот она тоже была завербована, а потом она завербовала уже здесь. Вот, завербовали, его-то забрали, а этот смылся. Она много людей погубила. Вот сказала: «Вот этот!» И все. (Это вот эта женщина погубила? А как ее звали, Вы не помните?)

47:00

От, не могу, не могу сказать. (Нам какую-то Тамару называли, нет?) Тамару? (Нет?) А вот я не знаю, как ее звать, фамилию только знаю. (А фамилия какая?) Та вот же ж... Ну, такая фамилия известная была, все боялись ее. (Все боялись?) Да. Ну, а что? Она показала пальцем на тебя, и все. (А почему она показывала? Ну, на кого она показывала пальцем? На кого она показывала?) Ну, кто был член партии, кто-то на какой-то работе руководящей был. Вот.

48:00

Она специально шпионила за взрослыми. (А что с ней потом случилось?) Ну, а потом не знаю, куда она делась, как бы... (Да, Игорь. Не, я сейчас не могу, Игорь, я... Перезвоните мне через час, я сейчас на интервью. Спасибо. Что сегодня звонят все! Это невозможно! Аншлаг!) Ну, я вас могу познакомить, он постарше, больше историю знает.

P.S. Знал, по всей видимости, больше, но боялся говорить. После того, как были выключены диктофоны, шепотом (не для записи) отметил, что татар выслали за предательство.